

Константин Николаевич Леонтьев
(1831—1891)

Чтобы лучше видеть и объяснить другим, что выгодно и невыгодно для России,
надо прежде всего дать себе ясный отчет в том идеале,
который имеешь в виду для своей Отчизны.

К. Н. Леонтьев

Константин Николаевич
Леонтьев

ГРЯДУЩИЕ
СУДЬБЫ
РОССИИ

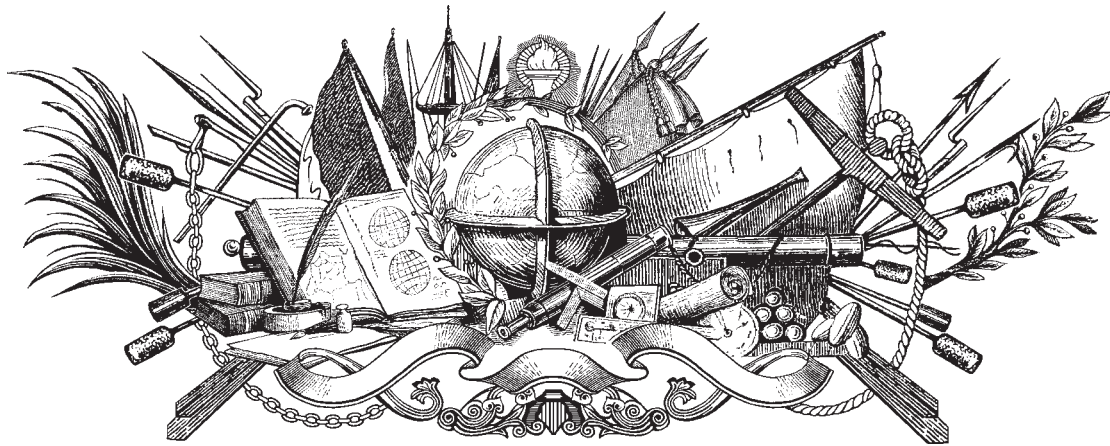
Иллюстрированное издание

МОСКВА
2017

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
С. Есенин

Судьба его похожа на судьбы многих россиян, любящих свою Родину так, как может любить ее только русский человек, — до глубины души. Их было немало в нашей истории — гениев, обретших признание и ставших известными, почитаемыми и востребованными только после смерти. Такое нередко происходило в творческой жизни философов, художников, композиторов, ученых: непонимание и неприязнь коллег, единомышленников (которые, в сущности, являлись конкурентами и потому противниками) сменялись со временем мировым признанием и почетом.

Об этом человеке немного говорили и писали, а главное — его так мало понимали. Однако его идеи живы и сегодня — и нашли подтверждение в истории развития многих европейских государств и главное, России. Речь идет о *Константине Николаевиче Леонтьеве* — выдающемся русском философе и мыслителе, идеи и мысли которого стали поистине пророческими.

Именно сегодня для россиян, живущих в XXI веке, взгляды и идеи К. Н. Леонтьева становятся понятны и близки. Еще в XIX столетии предсказывал он сползание либеральной Европы в пропасть распущенности и разврата, бездуховности и пустоты. У К. Н. Леонтьева были свое мировоззрение и видение будущего, в которых жизненные вопросы обустройства мира тесно переплетаются с надеждами на создание Россией новой, более совершенной и жизнеспособной цивилизации. Именно он является автором концепции «триединого процесса развития» нации (а вместе с ней — и государств, стран, в которых эти нации проживают), делающей понятными и прогнозируемыми процессы развития или деградации наций, народов и стран. К. Н. Леонтьев, изучая этот процесс в природе и в социальных явлениях, предлагает рассматривать его как абсолютный закон жизни и утверждает, что все национальные, культурные и цивилизационные образования в своем развитии проходят три стадии развития — первоначальной простоты, цветущего объединения и сложности и вторичного смесительного упрощения. Основным предметом приложения данного закона К. Н. Леонтьев считал государство. А идеальной формой правления государства — монархию.

Исходя из этого закона К. Н. Леонтьев видел в облике либеральной Европы безнадежно устаревший и разлагающийся организм, указывая на ее дальнейший упадок во всех сферах жизни, предсказывал ее будущие проблемы, катаклизмы и катастрофы, которые мы наблюдаем и сегодня.

Чтобы понять глубину мыслей К. Н. Леонтьева как русского писателя и мыслителя, нужно проследить весь путь его становления и формирования как личности, его биографию, увидеть трансформации внутреннего мира, мировоззрения, взглядов, историю душевных потрясений и взлетов. При этом важно учитывать исторические условия, в которых находилась Российская империя в XIX веке. Думающая и прогрессивная часть общества не могла оставаться в стороне от надвигающихся бурь и изменений, предлагала свой путь развития и реформирования империи. Общество требовало наличия философского анализа ситуации возможного кризиса и видения перспективы развития государства, его сохранения и развития. По большому счету, как и сегодня, остро стоял вопрос выбора пути развития России и ее места в глобальном обустройстве континента и мира в целом! И Леонтьев не мог оставаться в стороне от этого!

Друзья и единомышленники К. Н. Леонтьева после его смерти сделали все, чтобы имя и дела этого человека остались в нашей памяти надолго. В частности, В. В. Розанов так говорил нравственной чистоте и душевности Леонтьева, которая была присуща его натуре и его сути: «Вообще, как автор писем — Леонтьев стоит еще выше, чем как автор статей: и мы не припомним еще ничьих писем в русской литературе,

которые были бы так же увлекательны и умны, философичны и остроумны, как его письма; так живы и искренни до мельчайшего штриха». Постарайтесь увидеть такого К. Н. Леонтьева в его научных и публицистических трудах. Ведь открытия, взгляды этого выдающегося мыслителя неразрывно связаны с его видением жизни, его сущностью и личностью!

Современников К. Н. Леонтьева шокировала и удивляла нестандартность его мыслей и широта познаний. Его восприятие мира, отношение к православию, его мысли о государственном обустройстве имели право на существование тогда и находят своих сторонников сегодня.

К. Н. Леонтьев был последовательным сторонником монархии. Актуален ли этот вопрос сегодня, актуальны ли его мысли и взгляды о роли православия для сегодняшней России? Для кого-то этот вопрос однозначен. Кому-то он покажется спорным. Более ста лет прошло с того времени, когда Леонтьев выстраивал свою точку зрения и свое видение развития общества, государства, роли православия в его укреплении и процветании. А вопрос как был актуальным, так и остается им сегодня. В конце XIX века самодержавие представлялось мыслителю как необходимая форма правления, способная сохранять Россию как государство в тех сложных исторических обстоятельствах, в окружении противников развития России как самостоятельного и мощного государства. Уже тогда он понимал угрозу прогрессирующих либеральных настроений в обществе для стабильности российского государства. Актуален ли этот вопрос для России сегодня? Ответом на многие вопросы станет эта книга.

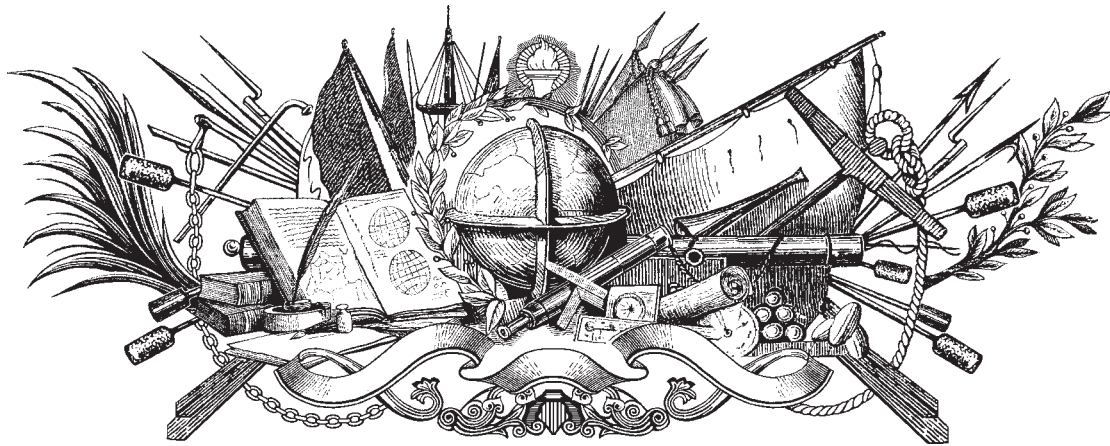

А. М. КОНОПЛЯНЦЕВ

ЖИЗНЬ
К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Еще не настало время для полной биографии Константина Леонтьева. С увлечением можно отдаться трудной работе изображения тонкого узора этой сложной жизни, разобрать запутанный узел этой своеобразной психологии, но такую задачу надо считать пока несвоевременной. Судьба была немилостива к Леонтьеву при жизни, такой, отчасти, осталась и после его смерти. По крайней мере, за эти двадцать лет со дня его кончины в печати появилось очень ничтожное количество материалов, касающихся его биографии, и нет пока почти никаких воспоминаний об этом человеке, имевшем немало преданных друзей и горячих почитателей.

Сказанным отчасти объясняются заметные пробелы и недостатки этой статьи.

Настоящей работой мы преследовали главным образом одну цель: собрать воедино и связать в последовательной передаче все известные данные, касающиеся жизни Леонтьева, причем необходимо излагать и основные черты его мировоззрения в разные периоды жизни. Насколько же этой цели мы достигли — не нам судить, заметим только: *feci quod potui, faciant meliora potentes*¹.

ДЕТСТВО. «ЭРМИТАЖ». ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ

Константин Николаевич Леонтьев родился 13 января 1831 года в сельце Кудиново Мещовского уезда Калужской губернии. Отец его, Николай Борисович Леонтьев, был внесен в шестую часть дворянской родословной книги Калужской губернии, но по рождению едва ли принадлежал к старинному дворянскому роду Леонтьевых, так как родословную его не представляется возможным проследить уже в XVIII веке. Из предков со стороны отца затруднительно указать хоть одно лицо в каком-либо отношении более или менее выдающееся.

Сам Николай Борисович был из небогатых помещиков. В молодости он служил в гвардии, но за участие в каком-то буйстве был удален оттуда и вышел в отставку в чине прапорщика. Николай Борисович был заурядной личностью; впоследствии сам Константин Николаевич отзывался об отце, что тот был «и не умен, и не серьезен». Влияние его на своего сына Константина было ничтожное, да и воспитанием его он совсем не занимался. «При утренней встрече поцелую руку, вечером подойду под благословение и тоже поцелую руку и больше ничего, — вспоминал Константин Николаевич. «Когда в первый раз, семи лет, я пошел исповедываться в большую нашу залу к отцу Луке (Быкасовскому), и тетка мне велела у всех просить прощения, то я подошел прежде всего

к отцу; он подал мне руку, поцеловал сам меня в голову и, захохотавши, сказал: «Ну, брат, берегись теперь... Поп-то в наказание за грехи верхом кругом комнаты на людях ездит». «Кроме добродушного русского кощунства, — добавляет Константин Николаевич, — он, бедный, не нашел ничего сказать ребенку, приступавшему впервые к священному таинству». Николай Борисович умер в декабре 1839 года, когда Константину Николаевичу было около восьми лет. Насколько отец и сын были далеки (кровно далеки) между собою, можно судить по тому, что и смерть отца не произвела на Константина Николаевича никакого впечатления, к ней он «был совершенно равнодушен». Когда отца повезли хоронить в Мещовск тетка Константина Николаевича с сестрой, он остался дома с матерью и «ничуть не горевал и не плакал».

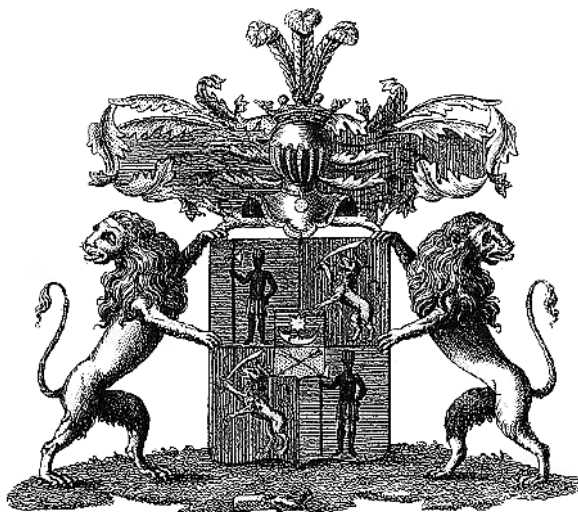
Со стороны матери Константин Николаевич является отпрыском старинного дворянского рода Карабановых, ведущего свое начало еще с XV столетия. Дед его по матери, Петр Матвеевич Карабанов, умерший шестидесяти лет от роду в 1829 году, был очень оригинальным и выдающимся человеком того времени. «Он был, может быть, — описывает деда Константин Николаевич, — одним из самых „выразительных“ представителей того рода прежних русских дворян, в которых иногда привлекательно, а иногда возмутительно сочеталось нечто тонкое „версальское“ с самым страшным по своей необузданной свирепости „азиатством“».

Истинный барин с виду, красивый и надменный донельзя, во многих случаях великодушный рыцарь, ненавистник лжи, лихоимства и двуличности, смелый до того, что в то время решился кинуться с обнаженной саблей на губернатора, когда тот позволил себе усомниться в истине его слов... слуга Государю и Отечеству преданный, энергический и верный, любитель стихотворства и всего прекрасного, — Петр Матвеевич был в то же время властолюбив до безумия, развратен до преступности, подозрителен донельзя и жесток до бессмыслия и зверства».

И дочь его, а Константина Николаевича мать, Феодосия Петровна, также является замечательной для своего времени личностью. Воспитание она получила в Петербурге, в Екатерининском институте, по окончании которого вернулась к родителям в деревню. Эта умная, гордая и возвышенно настроенная девушка так поставила себя в своей семье, что даже отец стал ее бояться и уважать. Любимица императрицы Марии Феодоровны, Феодосия Петровна мечтала вновь вернуться в Петербург, но, вопреки ее воле, в 1812 году была выдана замуж за нелюбимого ею Леонтьева, который ни по уму, ни по образованности, ни по вкусам, ни даже по внешности был ей не пара.

У них было семь человек детей: старший — Петр (родился в 1813 г.), затем Анна (родилась в 1815 г.), Владимир (родился в 1818 г.), Александр, Борис, Александра (родилась в 1822 г.) и самый младший Константин. Кроме Владимира и Константина, остальные из этих детей были

ГЕРБЪ РОДА ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

самыми обыкновенными людьми, сыновья — кажутся — все военные.

Насколько ничтожно было влияние отца на Константина Николаевича, настолько первоначальным своим воспитанием он всецело обязан матери и отчасти — горбатой тетушке Екатерине Борисовне Леонтьевой, под женским влиянием которых прошли его детские и юношеские годы. Феодосия Петровна больше всех детей любила младшего своего сына, и он платил ей до конца жизни нежной любовью и беспредельным уважением. Поэтому немудрено, что на его духовном облике отразились черты и влияние его матери.

Феодосия Петровна была образованная и много читавшая женщина, с врожденным чувством изящного, религиозная и в то же время резкая, строгая и вспыльчивая до такой степени, что приводила в трепет окружающих.

Религиозность ее имела несколько особенный характер: по свидетельству самого Константина Николаевича, она любила только ту сторону христианства, которая выражается в нравственном, но не была особенно богомольна. У Константина Николаевича сохранились в памяти очень приятные воспоминания о некоторых богослужениях, зимних всенощных в Кудиновской зале, о матери, молящейся в церкви... Вообще, можно сказать, что пример матери и ее религиозное воспитание не могли сделать сына каким-либо изувером и фанатиком, но эта искренне и без ханжества преданная религии женщина привязывала его к вере незаметными, но крепкими узами.

Приведем здесь один случай из детской жизни Константина Николаевича, ярко характеризующий его тогдашнее настроение. Сельцо Кудиново находится в недалеком расстоянии от Оптиной пустыни. Мать взяла как-то раз туда и Константин Николаевича, когда он еще был мальчиком. Ему так понравилось в Оптиной, что он сказал тогда: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно здесь останусь».

Константин Николаевич придавал большое значение тому обстоятельству, что в его детских впечатлениях «религиозное соединялось с изящным». В этом отношении влияние на него матери было громадно.

«В нашем милом Кудиново, в нашем просторном и веселом доме, — рассказывает Константин Николаевич, — была комната окнами на запад, в тихий, густой и обширный сад. Везде у нас было щеголевато и чисто, но эта комната казалась мне лучше всех; в ней было нечто таинственное и мало

доступное и для прислуги, и для посторонних, и даже для своей семьи. Это был кабинет моей матери... Здесь были почти всюду цветы в вазах: сирень, розы, ландыши, дикий жасмин; зимой всегда слегка пахло хорошими духами».

Воспоминание об этом очаровательном материнском «Эрмитаже» неразрывно связано в сердце Леонтьева «и с самыми первыми религиозными впечатлениями детства, и с ранним осознанием красот окружающей природы, и с драгоценным образом красивой, всегда щеголеватой и благородной матери, которой — говорит Леонтьев, — я так неоплатно был обязан всем (уроками патриотизма и монархического чувства, примерами строгого порядка, постоянного труда и утонченного вкуса в повседневной жизни)». «В этой комнате и в соседней с нею меня учили молиться перед угольным киотом, — продолжает далее Константин Николаевич. — Я спал несколько лет подряд в кабинете матери, за колоннами, на трехцветном диване; и как часто, просыпаясь зимним утром, продолжал лениться и, лежа на нем, слушал внимательно, как сестра моя по книжке читала утренние молитвы и псалом „Помилуй мя Боже“»... Значение в жизни Константина Николаевича этих детских религиозно-эстетических впечатлений было, по его собственному признанию, очень велико: «Когда уж мне было 40 лет, когда матери уж не было на свете, когда после целого ряда сильнейших душевных бурь я захотел сызнова учиться верить и поехал на Афон к русским монахам, то от этих утренних молитв в красивом кабинете матери с видом на засыпанный снегом сад и от этих слов псалма мне все светился какой-то и дальний, и коротко знакомый, любимый и теплый свет». В том же «Эрмитаже» в душу Леонтьева были глубоко заложены не только семена религиозной веры; там же он получил и первые живые уроки монархической любви и патриотизма из рассказов матери о государе Николае Павловиче и императрице Марии Феодоровне, которых она боготворила, о Людовике XIV и его столь несхожих между собой возлюбленных, о кровавых деяниях ненавистного Конвента, о подвигах и ужасах двенадцатого года.

Первоначальным образованием Константина Николаевича и подготовкой его к среднему учебному заведению занималась Феодосия Петровна. В 1841 г. он был определен в Смоленскую гимназию и находился там под присмотром своего дяди Владимира Петровича Карабанова,

но вскорости Владимир Петрович скончался (в 1842 г.), и Константин Николаевич был взят из Смоленской гимназии. Осень и зиму 1842 года он провел в Петербурге, где 5 сентября 1843 года был определен кадетом на воспитание в Дворянский полк. Здесь он вел себя, согласно аттестату, очень хорошо, имел в Законе Божиим и французском языке успехи очень хорошие, а в русском языке, по арифметике, алгебре, геометрии, истории, географии — хорошие. Из полка он был уволен по болезни приказом от 6 октября 1844 года. В том же 1844 году был принят приходящим учеником в третий класс Калужской гимназии, полный курс семи классов которой окончил в 1849 году с правом поступления в университет без экзамена. Жил он в это время в Калуге на собственной квартире со своей горбатой тетюшкой. На зиму приезжала из деревни в Калугу и мать.

К сожалению, имеется очень мало сведений о гимназическом периоде его жизни. Из материалов архива Калужской гимназии можно извлечь лишь очень скудные данные. Так, известно, что в числе восьми учеников из двадцати окончивших с ним одновременно гимназию он не изучал греческий язык. По остальным предметам имел хорошие успехи, но не был в числе первых учеников по классу. Так, одноклассники Перхуров и Георгиевский идут в году всегда выше Леонтьева. По физике же в шестом классе успешность его за год аттестована даже баллом два, хотя двойка за год по физике — рядовое явление того времени в калужской гимназии: из 24-х учеников шестого класса только девять имели годовые баллы выше двух, у прочих же стояли двойки и единицы. В выданном Леонтьеву аттестате значится, что во время учения поведения он был отличного, в преподаваемых предметах показал успехи отличные, за исключением

физики и математики, по которым успехи были только хорошие.

Летом 1848 года свирепствовавшая тогда холера захватила и семнадцатилетнего Константина Николаевича. Заболел он в Кудинове, где за ним ухаживали мать, тетка и сестра, а лечил фельдшер из крепостных. По-видимому, благодаря этой болезни, задержавшей его в деревне ко времени начала осенних занятий, он был переведен без экзамена в седьмой класс.

По окончании гимназии Константин Леонтьев поступил студентом в Ярославский Демидовский лицей, откуда в ноябре того же 1849 года (вместе с В. Легониным, впоследствии профессором Московского университета) перевелся по болезни в Московский университет на медицинский факультет. Последний был им избран не по какому-либо внутреннему влечению к медицине, а по чисто внешним обстоятельствам. Так как юристом он не хотел быть ни под каким видом, то ему ничего больше не оставалось, кроме медицинского факультета. К этому же выбору склоняла его и мать, которая была высокого мнения о медицинских знаниях и врачебной профессии.

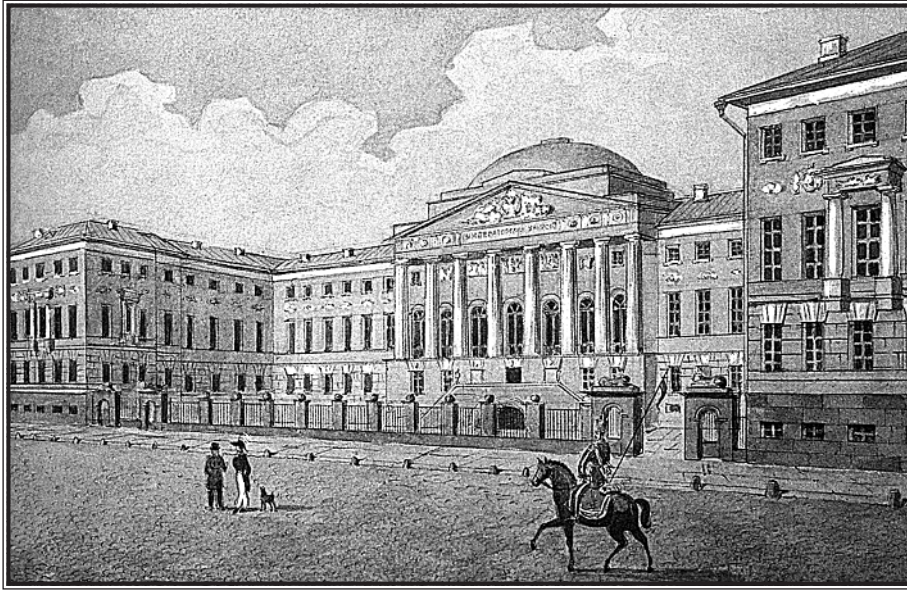
Таковы внешние обстоятельства за описанный юношеский период жизни К. Н. Леонтьева. Для суждения о внутренних его переживаниях в наших руках вполне достоверных данных не имеется, и приходится судить догадками, в чем некоторую помощь может оказать его роман «Подлипки», в значительной своей части носящий автобиографический характер. Герой этого романа рисуется крайне впечатлительным, нервным, иногда женственно слабым мальчиком-юношей.

Он одновременно увлекается и женщинами, и Белинским, он нежен и резок, страстен и нерешителен. В лице этого героя Леонтьев, по-видимому, изобразил самого себя.

УНИВЕРСИТЕТ. «ЖЕНИТЬБА ПО ЛЮБВИ». ЗНАКОМСТВО С ТУРГЕНЕВЫМ. ЭСТЕТ-НАТУРАЛИСТ

Занятия медициной нисколько не удовлетворяли Константина Николаевича. На лекции он, правда, ходил довольно аккуратно, но, например, к препарированию в анатомическом театре смрадных трупов замерзших на улице пьяниц, стариков, убитых блудниц приступал с отвращением и после тяжкой борьбы. «Медицина первые два года меня тяготила, хотя, конечно, были минуты, в которые меня

занимало что-нибудь на лекциях. Общие научные выводы, общие идеи занимали меня больше, чем подробности. Подробности стали мне нравиться позднее, на 4-м курсе, у постели больного, и еще более — в военных больницах, где я уже был сам хозяином и распорядителем». На первых же курсах пред ним не было «живых страдальцев», которые бы возбуждали его участие, рвение и самолюбие.

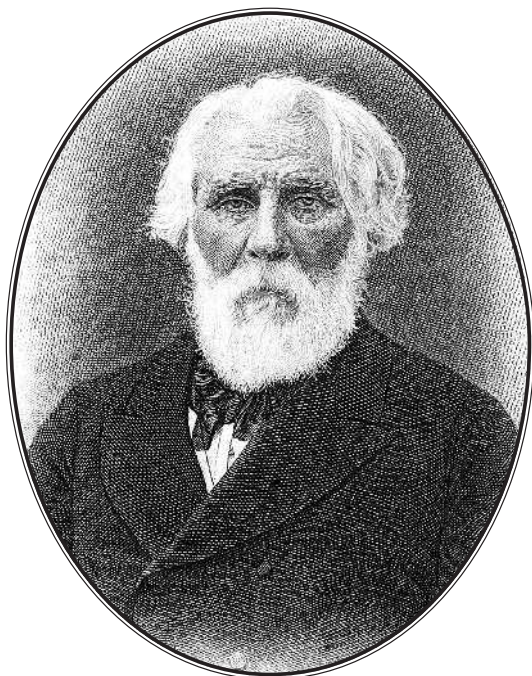
Здание Московского университета.

Акварель. 1820 г.

С товарищами своими, студентами, он не сходился. Ему казалось, что они ничего не понимают, почему у многих из них были такие неприятные лица. На лекциях он почти всех чуждался и ни с кем не говорил. Его не занимала их грубая веселость, когда они, терзая трупы, смеялись и всячески кощунствовали. «Видимо, они ни о чем не беспокоились, не думали и не говорили, кроме экзамена и карьеры своей. Я же с утра и до вечера думал и мучился обо всем».

Начало университетской жизни Константина Николаевича вообще было крайне тяжелым и печальным временем. Он был тогда беспрестанно нездоров, у него стала болеть грудь, отчего его нестерпимо стала мучить мысль, что у него чахотка, что он умрет. К тому же он тогда на долгое время утратил детскую веру и ни на чем не мог успокоиться. Благодаря родным приобрел в Москве знакомства в богатом кругу, но денег у него не было — и это кололо его самолюбие. Все это вместе — и нужда, и безверие, и болезни, а также университетские занятия, которые ему не нравились, — влияло удручающим образом на Константина Николаевича, требовавшего и ждавшего от жизни очень многого. «Я был тогда, — рассказывает он, точно человек, с которого сняли кожу, но который жив и еще чувствует, только гораздо сильнее и ужаснее прежнего. В 51 году мне стало до того, наконец, уже грустно и больно,

что я вовсе перестал понимать веселые стихи, веселые сцены и т. п., я только понимал страдальческие, болезненные произведения. Когда Тургенев напечатал «Записки лишнего человека», мне показалось, что он загадал меня, не выдавши меня никогда. Был против университета трактир «Британия», в который я ходил читать журналы, слушать орган и пить чай. Что мне было делать, когда пришлось (не преувеличивая скажу) плакать в трактире над историей этого «лишнего человека»? Я закрывался книгой в углу и плакал. Слава Богу, никто не обратил внимания». В то же время явились и сердечные увлечения, не дававшие Константину Николаевичу удовлетворения и счастья. По приезду в Москву он поселился в доме Охотниковой, находившейся в свойстве с его матерью, познакомился там с родственницей хозяйки, барышней Зинаидой Яковлевной Коновой, и полюбил последнюю. Отношения их длились около 5 лет и принимали разные формы: «от дружбы до самой пламенной и взаимной страсти». Но их брак не состоялся; между прочим, этому браку противилась Феодосия Петровна, которой была неприятна эта девушка, годами старшая Константина Николаевича. В зиму 1851 года отношения между Зинаидой Яковлевной и Константином Николаевичем были какие-то нерешительные, неясные. Он находил несказанное наслаждение повторять себе

Иван Сергеевич Тургенев
(1818—1883)

и ей одно стихотворение Ключников, которое было ему тогда ближе всей остальной поэзии: «Я не люблю тебя, но, полюбив другую, я презирал бы горько сам себя», и в то же время не мог ни одного дня прожить, не выдав этой девушки.

Под такими впечатлениями Леонтьевым было написано в этом 1851 году его первое произведение, комедия «Женитьба по любви». Содержание этой комедии таково.

Молодой человек Андрей Киреев живет в Москве со своей теткой. Ему нравится девушка. У нее есть двоюродный брат Бурцов, красивый брюнет, который служил и сражался на Кавказе. У Бурцова был раньше роман с этой девушкой. Для нее он идеал мужчины, для колеблющегося Киреева он то ритор и офицер, à la Марлинский, то пример чести и мужества. Бурцов не захотел ни обольстить, ни жениться на своей кузине, теперь ему хочется выдать милую и бедную девушку за довольно состоятельного Киреева. Киреев сам не знает, любит ли он эту девушку. Яницкий, друг Киреева, красивый, богатый и озлобленный, тешится над Киреевым и уверяет его, что он будто бы вовсе неспособен любить. Киреев раздражается от отчаяния: «Я не люблю тебя, но, полюбив другую, я презирал бы горько сам себя».

Чтобы доказать Яницкому, что он может сделать что-нибудь сильное, Киреев решает жениться. Но он очень несчастлив, мучает свою новобрачную, которая согласилась бы стать хорошей женой, свою тетку, которую подозревает в неприятном чувстве к жене. Поссорившись и с той, и с другой, и почти прогнавши их, он вызывает на дуэль Яницкого из одного мщения и отчаяния. Яницкий имеет мужество отказаться от дуэли, чем совсем уничтожает Киреева.

«Комедия эта, — объясняет Константин Николаевич, — была написана не для сцены, а для чтения; она вся основана на тонком анализе болезненных чувств. В ней, я помню, было много лиризма, потому что она вырвалась у меня из жестоко страдавшей души!»

Рукописи своей он не стал читать ни родным, ни любимой девушке, чтобы она не узнала его в Кирееве, а прочитал ее только двум своим товарищам. Один из них, Алексей Георгиевский, имел огромное влияние как на самое создание «Женитьбы по любви», так, главным образом, на ее молодого автора и вообще на литературные занятия последнего.

В течение первых двух университетских курсов они были в близкой дружбе. Земляк Константина Леонтьева, Георгиевский, окончивший вместе с ним Калужскую гимназию, выросший в бедной семье уездного чиновника, при недостаточной образованности и начитанности обладал замечательным художественным чутьем и глубоким философским умом и был в то же время человеком озлобленным на жизнь, придирчивым, желчного и насмешливого характера. Константин Николаевич говорит, что Георгиевский был для него тем же, чем Мефистофель для Фауста. Он глубоко, искренне любил Георгиевского и подчинялся ему настолько, что чувствовал себя у него в каком-то «сердечном и умственном рабстве». Это его очень тяготило, но в то же время дружба Георгиевского ему была необходима и незаменима. «Я около себя, — говорит Константин Николаевич, — не находил, кроме него, ни одного человека, с которым бы я мог так много, так свободно и так «современно», как говориться, рассуждать о Пушкине и Гомере, о Гоголе и Белинском, о любви и дружбе, о вере и безверии, об общих началах науки и поэзии. Говорили многие довольно умно, читали... Но мне всего этого было мало, а его независимый и мощный ум не только удовлетворял, но даже подавлял меня беспрестанно».

Георгиевский, выслушав пьесу своего друга, с радостным лицом обнял его и сказал: «Ну вот, Костя, что ж ты жаловался? Вот тебе и награда за страдания твои. Это настоящий талант!» Одобрения и похвалы друга невыразимо утешили молодого автора, но их ему было мало, он хотел найти высшего судью своего первого произведения, в лице какого-либо известного писателя. Выбор Константин Николаевич остановил на И. С. Тургеневе. Оказалось, что последний жил тогда на Остоженке, почти напротив квартиры Леонтьева. В одно утро весной того же 1851 года, Константин Николаевич со стесненным сердцем понес в рукописи два действия своей комедии к Ивану Сергеевичу.

Последний так рассказывал позднее об этой их встрече: «Входит очень молодой человек, белокурый, в виц-мундире с треугольной шляпой и с рукописью. Говорит, что его фамилия Леонтьев, жмет мне руку, извиняется, что у него нет шпаги, потому что отдал чинить что-то в ней, и потом, ни слова больше не говоря, садится и читает. Читал он не слишком хорошо, и потому я предпочел сам просмотреть рукопись». Через день Константин Николаевич вновь пришел к Тургеневу и получил от него самый лестный отзыв о «Женитьбе по любви». «Ваша комедия, — говорил ему Тургенев, — произведение болезненное, но очень хорошее... Видно, что Вы не подражаете ничему, а пишете прямо от себя».

Одновременно с «Женитьбой по любви» Константин Николаевич начал писать роман под заглавием «Булавинский завод», оставшийся неоконченным. Героя этого романа, доктора Руднева, он позднее изобразил под той же фамилией в романе «В своем краю».

Этот доктор Руднев приехал из столицы в лес управлять заводом и именем богатого молодого помещика и лечить его крестьян. Таково содержание двух-трех глав «Булавинского завода».

«Руднева и Киреева, — говорит Константин Николаевич, — я создавал в одно и то же время. Все свое малодушное, все свое слабое я придал Кирееву, все солидное, почтенное, серьезное, что во мне было, я вручил Рудневу. Я отдал Рудневу всегдашнюю серьезность и честность моей мысли, мою выдержку в занятиях (даже в медицинских, которых я не любил), мою жажду знания, мои grübeln² и осыпал его за это внешними невзгодами, как осыпан был ими я сам. Сверх того, в Кирееве была моя дворянская, «светская»,

так сказать, сторона; в Рудневе — моя „груженческая“».

Познакомившись с началом романа «Булавинский завод», Тургенев нашел, что это произведение еще лучше «Женитьбы по любви». «У вас большой талант, — сказал он Леонтьеву. — Руднев — другое лицо: это уж не больной ребенок, как Киреев, а человек физически болезненный, но сильный мыслью и духом; он предан науке. Это лицо вовсе новое». Такая оценка первых произведений К. Леонтьева и созданных им типов из уст Тургенева приобретает тем большее значение, что кому же, как не создателю позднее типа доктора Базарова, было лучше всего судить, насколько доктор Руднев являлся «новым лицом» в 1851 году, когда литература была занята изображением преимущественно «лишних людей». Тургенев почувствовал в новом своем знакомом большую литературную силу, искренне сочувствовал его молодому таланту и принял в нем горячее участие, называя себя «литературной бабушкой», которой суждено принимать его рождающихся детей.

Успех литературных начинаний оживил Константина Николаевича настолько, что от прежних его терзаний и отчаяния не осталось и следа. Уж после того, как им были написаны два действия его комедии, ему стало гораздо легче. Покуда он писал свой роман «Булавинский завод» и переживал вместе с его героем стремление к деятельности, к независимости «в лесу», душа его все «веселела и смягчалась» — и «на этих радостях, — говорит Константин Николаевич, — захотел я еще добра и добра... Кого бы пожалеть? Кого еще полюбить? Я придумал для Руднева сироту младшего брата, юношу молодца и красавца, которого он взял с собой из Москвы в свой «лес»... Литературное вдохновение в эту зиму 1851 года вдруг забило у Леонтьева ключом: помимо комедий и романа, к тому же времени относится его первый и единственный опыт стихотворения, отрывок небольшой поэмы, писанной гекзаметрами.

Самым светлым лучом в его жизни этого периода было, конечно, знакомство с Тургеневым. Личность его литературного покровителя ему очень нравилась. Он был рад, что Тургенев оказался «гораздо героичнее своих героев». И наружность Ивана Сергеевича, и даже его костюм всецело удовлетворяли эстетическую требовательность Константина Николаевича.

Николай Михайлович Карамзин
(1766—1826)

Лето 1851 года Константин Николаевич провел в Кудиново. «Я помню это лето в нашем Калужском имении. Карамзин сказал про свою первую молодость: «Я помню восторги, но не помню счастья». Мне захотелось, говоря об этом лете в родной деревне, привести эти слова Карамзина, только немного изменяя порядок их: «Конечно, я не помню счастья, но помню восторги». Да, я их помню и обязан я был ими больше всего Тургеневу». Одним из самых крупных и самых благоприятных, по признанию Леонтьева, последствий его знакомства с Тургеневым было решение порвать всякие сношения с терзавшим его самолюбие и желчным другом Алексеем Георгиевским. По мере сближения товарищей, Георгиевский становился все несноснее, придиричвее, несправедливее и неделикатнее в отношении Константина Николаевича. Последнего, в конце концов, привязывало к Георгиевскому лишь преклонение пред его умом и отсутствие какого-либо другого человека, в общении с которым Константин Николаевич мог бы находить удовлетворение своим литературным и другим высшим интересам. В лице Тургенева Леонтьев встретил человека, который хотя не имел на него и десятой доли умственного влияния, сравнительно с Георгиевским, никогда

не подчинял себе его воли, — но в глазах своего восторженного почитателя являлся авторитетом дарований и литературного опыта. Леонтьев порвал отношения с Георгиевским твердо и резко. Осенью 1851 года они съехались в Москве. Георгиевский пришел к Константину Николаевичу и по обыкновению желчно и резко начал вышучивать и самого Леонтьева, и его доброго покровителя. В то время у Константина Николаевича в гостях находился еще один знакомый, в присутствии которого он не стал объясняться с Георгиевским. Когда же последний уходил от него, Леонтьев предложил ему проводить его по двору до ворот. «Мы шли по двору сначала молча, — рассказывает Константин Николаевич. — Мне было больно, очень больно... Георгиевский наконец догадался, что это неспроста и полушутливо спросил, подходя к калитке: «Батюшки, что это значит?»...

— А то значит, — сказал я, протягивая ему руку, — что я прошу тебя никогда больше ко мне не ходить и, встречаясь, не заговаривать даже со мной, а оставить меня в покое.

Он тихо пожал мне руку и молча ушел. Я вернулся к себе и со вздохом опустился на диван. И больно, и легко!»

После этого бывшие друзья очень редко встречались и в конце концов перестали даже кланяться друг другу. С 1854 года Константин Николаевич совсем потерял Георгиевского из виду, а в 1866 году последний отравился. «Ненависть моя против него вначале, после разрыва, — пишет Леонтьев, — была так велика, что я несколько раз на лекциях, узнавши издали его голос или его какую-то особо изысканную манеру покашливать, исполнялся злобою и с наслаждением воображал его убитым и лежащим передо мной на земле в крови. Это было совершенно произвольное движение сердца — и оно стало повторяться все реже и реже по мере того, как я реже и реже встречался. Я понемногу стал к нему равнодушен. Жизнь моя текла с тех пор своим путем, и мысль моя развивалась, как ей было предназначено развиваться, без всякого его участия. И с тех пор я никогда уже не отдавался никому душой и умом так безусловно... То сердечное и умственное рабство, в котором я прожил около двух лет тогда, уже ни разу и ни в какой форме не повторялось в моей жизни, и мне впоследствии времени нужно было делать даже усилия ума, чтобы вообразить себя в этом состоянии, чтобы понять, как это так могло со мной случиться и как это я мог так покорно его любить!»